

Э. Шнейдерман

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ПРИЧАСТИЯ

Давайте говорить по существу
о существующем — существенном и сущем
имеющем манеру быть
и бьющем
в глаза в нос в пах по голове
своим существованием

а лирику
запрет в негосгораемый ящик надежды

Поговорим пожалуй о ползущем
о ползающем тут и там
порой за нами по пятнам
снующем
проникающем везде
кишащем всюду
ощупывающем за пядью пядь
глазами щупальцами пальцев
высматривающем и доводящем
до сведенья и до самоубийства

а лирику —
в негосгораемый ящик надежды

Естественно сказать и об ином —
об ущемленном
метущемся и мечущемся
в попытках выход отыскать
но выхода не находящем и тогда
стремящемся хоть как-нибудь забыться
пьющем
и напивающемся
до отвращения к себе
в своем углу

а лирику —
в ящик надежды

Пора поговорить и обо всем
потеем дрожащем
трепещущем во сне и наяву
от скрипа звяка шороха и стука
о шепелявящем и заикающемся
от страха
внедрившегося в плоть
а лирику — в ящик в ящик
забить задрать забыть забить забыть

Но также стоит нам потолковать
о пресмыкающемся о замскивающем
о подличающем — на всякий случай
продствуящем — впрок
подмигивающим косящим глазом —
туда-сюда — кому бы задраться
повыгодней —
и продающемся за грош
а лирику —
в ящик и на ключ

Итак на выбор
и л и
поговорим по существу об этом обо всем
и еще о многом другом
животрепещущем
и л и
забьемся в уютный негоряемый ящик
сами себя — на замок
а ключик проглотим

Давайте говорить по существу!

х х х

Что для тебя —
что для меня —
все пустяки
все ерунда

вытечет все
и протечет
а для чего?
ради чего?

ради того
что — пустяки
цель золотая
по ветру летит

тая летит
тает летя
таем и мы
тайну тая

либо внутри
на глубине
камнем на дне
камнем на дне

и не сказать
не рассказать
сколько себя
ни для кого

спрячешь в себе
в воздух швырнешь
единство ценное
здесь на земле

ведь только и есть
ценного здесь

что-то во всех-
в каждом из нас

что-то в тебе
что-то во мне
в каждом из нас
в каждом из нас

это сберечь
чтобы отдать
это оставить
пустым в землю лечь!

73-75

х х х

я похож на тебя
понемногу на всех
и еще на себя
это тоже не грех
жил и что-то успел
рассмотреть распознать
пробиваясь в толпе
и не зря допоздна
жег на кухне в углу
лампу в 25 ватт
значит не был я глух
не был я глуховат ...
до невзрачных на вид
повседневных забот -
неналаженный быт -
ненабитый живот -
все что трется бок о бок
тоскует поет
все касается трогает
спать не дает
и толкает

в бумаге и карандашу
оттого и пишу
для того и пишу

77

х х х

под пьяную лавочку
у пивного ларька на углу
или на подоконнике в грязном парадном
под "маленькую" на двоих
то-есть под 125 граммов 40-градусной водки на брата
открывающих душу волшебным ключом
тянет выговориться
ох как хочется высказаться
начистоту
потому что несносно молчать
невозможно всю жизнь промолчать до могилы

и вот возникает
интересный такой
как вечно у русских
глубальный такой
разговорчик-под-пьяную лавочку
когда каждый
о чем-то своем говорит
потому что у каждого
что-то свое в душе накипело

и звучит этот странный дуэт
где не очень-то слышат друг друга
говорят, говорят без пренон
чтобы едкую горечь поднявши со дна
да-таки-не облегчившись
разойтись навсегда разойтись
в унылые сумерки в дождь
под пронзительный ветер в молчанье

78

М И М О

Тихо-тихо-тихо-тихо
Хохоча,

хохоча,

Волокут в больницу психа
Два матерых врача,

Мимо-мимо-мимо-мимо,

Миронтон-миронтедь,

Мира, мира, мира, мира,

Где он жил,

точно тесть.

Где он жил,

где он проснулся -

Лишь на раз,

лишь - на миг,

Оголенного коснулся

И - сгорел,

и - поник.

Был он будущий - стал бывший

Человек,

человек.

И обгрыз, как злые мыши,

Тело - век,

тело - век.

72

И У Д А

На стол наставили свечей

и стали спрашивать:

- Ты чей?

- Я свой! я свой! я в доску свой!

Ручаюсь, братцы, головой!

Но тесть

вилась и стлалась

так,

что стало ясно:
это — враг.

И захлебнувшись
тишиной,
он рухнул наземь
пред стеной
глаз,
кожей чуя
каждый взор
презрение,
жалость,
гнев,
укор.

Но смог
гадюкой
подползти
и — каждому —
шепнуть:
"Прости,
я — брат!" —
двенадцать раз подряд,
в одежды тыча,
пряча взгляд.

А если бы —
сквозь лютый страх —
в упор,
в пылающий распах, —
так моль летит в огонь свечи, —
он, вспыхнув,
сгинул бы в ночи.

...Простили.
Предал.

Так, не раз,
и нас, о господи,
и нас...

76

ПЕСЕНКА

Ты прошел по жизни
в вязаном берете,
бежевых ботинках
и сером пиджаке.
Ты прошел по жизни,
а никто и не заметил.
И — угомонилась
жилка на виске.

Ах, как это обычно!
И все-таки обидно,
ибо происходит-то ведь
всякий раз всерьез.
Ты прошел по жизни,
а тебя не было видно, —
ни тебе оваций,
ни букетов роз.

Письма тебе писали,
а когда списали,
больше не писали —
стало некуда писать.
Доктора спасали,
но кое-как спасали —
"Не жимец, — сказали, —
так что смысла нет спасать".

Не был ты отчаян.
Пожил и отчалил.
Побыл и отчалил
в никуда.
Родственники будут
помнить, но забудут,

да и все тебя забудут
навсегда.

Но спрошу, — не сетуй:
для чего все это —
вся эта бодяга,
называемая — жизнь,
если — так, с приветом,
погостил — и нету?
Ничего ведь нету
лучшего, кажись.

Ты пожмешь плечами,
мол, расхлебывайте сами,
ну а я теперь не с вами, —
видишь: вечность настает. —
А все твои печали? —
Не мои теперь печали.
Просто русскими ночами
сердце быстро устает.

77

РАБОТА ЛИТЕРАТУРОВЕДА (ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН)

В тему давности столетней
Влипнуть, по уши залезть,
Изучать доносы, в сплетнях
Извозиться, как в воле;

Слепнуть над черновиками
Жаром пышущих стихов,
К спеху писанных, скачками
Постигая, был каков,

Как писал — легко и живо,
Бритвой
резал,

То, что отжило, что лживо,
Видя
треяво;

Как плясал по строчкам красный
Карандаш цензурный
В век блистательный, прекрасный,
В век безропотный, безгласный,
Смирный,
бурный;

Как прикладывался к стенке
Горечь едкую запить,
И кищели люди, робки,
Убеждая отступить,

Переждать, не зарываться, ~~вынырнуть и потерпеть~~,
Затаиться, потерпеть,
Переводами заняться,
Гимны к Радости запеть.

Но чудак все куролесил —
От бессилья? епьяну? —
Хохотал, вздох был весел,
Растравляя рану:

"Здравствуй, матушка Цензура!
Вытравляй крамолу!
Продуби сильнее шкуру
Русскому глаголу!"

И по Питеру на тройке
С шумом проносился
("Все гулянки да попойки!" —
"фараон" косился), —

Чтоб влететь в писанья смаху,
Разодрав рубаху,
Не жадея целой ночи
Для ядреной строчки.

Так до гроба в стену бился,
Толку не добился,
Надорвался и разбился,
Вдребезги разбился, —

Потому что обыватель
Из пальто на вате
Знай бубнил: "Вставать некстати
Против этой рати!"

Потому что прямоспинным —
Потяжельше бремя
В этой смазанной машине,
Слаженной системе.

79

П А Я Ц

Мне страшно нравится,
когда от края
паяц появится,
поя,
играя,

и тоже хочется
шутить,
смеяться, —
желанье копится
уйти в паяцы —

комиковать,
вертеть на лбу тарелку,
паниковать, споткнувшись о безделку,

на ровном месте —
смачно растянуться,
вскочить
и бодро

пере-

кувыр-

нуться,

лихим коленцем,
плоским анекдотом
расхохотать
галерку
до икоты, -

и все - с улыбочкой:
ваш клоун - душка! ..
Так дурака валять
на всю катушку, -

когда в душе -
тоски
шакалы воют, -
подняться на носки,
над головою

воздушный шар держать -
красивый, синий,
а в горле - крик зажать,
по горло в тине.

И вдруг понять:
парик -
и грим -
помеха,
Сорвать,
стереть,
сказать:

Довольно смеха!

Пусть я паяц,
горбун,
поэт и клоун,
но не подлец,
не лгун,
судьбой не сломан.

Ведь, публика, пойми:

мы-все - паяцы,
нас хлебом не корми -
дай посмеяться,

поржать.

Но - продаетесь

ради смеха.

Ах, что за жизнь пошла!
что за потеха!

Опять - над ближним? -

мол, простак,

раззява.

А над собою? -

"Что я - рыжий?!"

Браво!

Уютно спрятаться

за смех свой жалкий -

остаться без лица,

дерьмом на свалке.

Кривляться ~~целий~~

целый век,

юлить,

смиряться -

как может человек?

Да что вы, братцы?!

Ведь в нашем милом цирке

воздух душный

и страшный

мертвый смех

гремит бездушно.